

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

С.И. ИОРДАНИДИ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

ORCID 0000-0002-5180-3474

siordanidi@yandex.ru

В статье обоснована необходимость создания историко-словообразовательных словарей славянских языков. Проект, предложенный автором, построен на материале древне- и среднерусских памятников. В основу пробной статьи, ее алгоритма положены разработки «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» (2016). Экспликация особенностей функционирования описываемых морфем, их семантическая трансформация на протяжении XI–XVII вв. составляют содержание представленной работы и находят отражение в прилагаемой пробной словарной статье.

Ключевые слова: историко-словообразовательный словарь, славянские языки, праславянский, древнерусский, среднерусский период, словообразовательный тип, значение морфемы

ON THE CONSTRUCTION OF THE HISTORICAL DERIVATIONAL DICTIONARIES OF SLAVIC LANGUAGES

S.I. IORDANIDI

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The article substantiates the need to create historical word-formation dictionaries of Slavic languages. The project proposed by the author is based on the material of ancient and Central Russian monuments. The trial article, its algorithm is based on the development of the “Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language” (M., 2016). Explication of the features of the functioning of the described morphemes, their semantic transformation during the 11th — 7th centuries. constitute the content of the presented work and are reflected in the attached dictionary entry.

Keywords: historical and word-forming dictionary, Slavic languages, Proto-Slavic, Old Russian, Central Russian periods, word-forming type, meaning of morpheme

1. Предварительные замечания

Основная идея данной статьи состоит в том, чтобы обратить внимание ученых-славистов на необходимость решения давно назревшей проблемы: создание исторических деривационных словарей славянских языков. Как ни парадоксально, на фоне множества блестящих работ как по синхронной, так и по диахронной дериватологии, эта идея почти не обсуждалась. Исключение составляют работы

И.С. Улуханова, в его исследовательских интересах этот сюжет занимает одно из центральных мест. Ученый пишет: «... история славянских словообразовательных аффиксов описана совершенно недостаточно. Их описание могло бы быть осуществлено в историко-этимологическом словаре славянских морфем или морфем отдельных славянских языков. Словарей такого типа в мировой лексикографии пока нет. К сожалению, работа над такими словарями, насколько известно, нигде не ведется» (Улуханов 2012: 63)¹.

Типы исторических словарей, существующие в настоящее время, весьма разнообразны. Весьма информативна статья А.С. Герда «К типологии исторических словарей». Ученый взял на себя труд описать словарные материалы во всей полноте, выделяя следующие типы: 1. По отношению к хронологическому периоду: сводный исторический словарь разных эпох; словарь того или иного хронологического периода; словарь к одному отдельно взятому тексту, памятнику письменности; 2. По отношению к типу языка (функциональному стилю): словарь к разным текстам того или иного жанра (например, словарь, ориентированный на обиходно-разговорный язык); русско-иноязычные словари-разговорники XVI–XVII вв.; диалектный словарь с историческими данными (например, Псковский областной словарь); 3. По форме представления данных: алфавитный толковый словарь; идеографический или тематический; словоуказатель, индекс, корконтанс к текстам (Герд 2010, 8: 23–25). Но здесь даже не упоминаются историко-словообразовательные словари. Этот пробел можно и нужно восполнить.

История русских деривационных словарей насчитывает несколько столетий. Я попытаюсь коротко представить перечень и анализ принципов составления наиболее значимых для развития словарного дела деривационных штудий XVIII–XX вв.: (Лихтен 1762; Гельтергоф 1771; Калайдович 1824: 330–390; САР 1789–1794; Рейф 1835–1836; Шимкевич 1842).

Словари структурированы по принципу словообразовательных гнезд. Однако «гнездовой» способ представления лексикографического материала базируется на различных принципах. Так, например, Словари Ф.С. Шимкевича и Ф.И. Рейфа отличаются друг от друга по многим параметрам: целью, объемом материала, основополагающими «пособиями», на которые ориентированы авторы, различной трактовкой изменений отношения между отдельными словами и т. д. Добавлю, что для нас они являются историческими, но для своего времени — синхронными.

Во второй половине XX в. вновь начинается интенсивная разработка деривативных гнезд, начавшаяся с известного словаря А.Н. Тихонова (1985). Последовавший за этим словарем целый ряд построенных по этому же принципу словарных

¹ Вместе с тем исследователи говорят о слабой изученности исторического словообразования славянских языков. Если обратиться к исторической дериватологии польского языка, то здесь обращает на себя внимание мнение Ф. Пепловского, который писал: «... историческое словообразование польского языка, в отличие от описательного, чрезвычайно редко становится предметом лингвистического исследования» (Pełowski 1974: 5). О том, что проблема исторического словообразования волновала польских лингвистов, свидетельствует статья Я. Пузынины «Jak pracować nad słowotwórstwem historycznym języka polskiego?» (Puzyńska 1975: 173–179).

штудий (в том числе А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой; Д. Ворга, А. Козака и Д. Джонсона; З.А. Потихи, И.А. Ширшова), при всех их достоинствах, не свободны от разнобоя в распределении лексем по словообразовательным гнездам. Современные исследователи также пытаются использовать понятие словообразовательного гнезда в работах диахронического плана, прибегая к таким дефинициям, как «историческое корневое гнездо с вершиной», «корневое словообразовательное гнездо», «гнездо с этимологическим корнем». Особенно популярным стало обозначение «корневое гнездо с вершиной...», породившее ряд исследований такого плана, как например: «Словообразовательное гнездо в вершиной *круг*. Становление и современное состояние», «Словообразовательное гнездо с вершиной *-мереть-...*», «...с вершиной *вод-...*» и т. п. Не берусь оценивать необходимость и перспективность подобного рода исследований. Отмечу лишь, что понятие «словообразовательного гнезда», как мне представляется, скорее применимо лишь при исследовании материалов определенного хронологического отрезка: на каждом из отрезков гнезда претерпевают как структурные, так и семантические изменения. Используемое Ж.Ж. Варбот понятие «этимологического гнезда» рассматривается ученым как один из этапов при работе над праславянским словарем (Варбот 2008: 84–85). Очень точно и четко относительно гнездового способа представления материала высказался в свое время В.И. Даль: «Расположение по корням — и опасно и недоступно; тут без натяжек и произвола не обойдешься, а отыскание слов очень затруднительно» (Даль 1956, I: XXXV)². Что касается предлагаемого Словаря — то здесь наиболее приемлемым представляется традиционное подробное поморфемное представление материала, как это было принято в словарных работах великих А. Вайана, А. Мейе, но с ориентацией на основную «характеризуемую единицу» — словообразовательный тип, «т. е. совокупность мотивированных слов, характеризующихся общностью значения форманта и части речи мотивирующих слов» (Улуханов 2012: 74).

Итак, статья посвящена эксплицированию возможностей создания русского исторического деривационного словаря XI–XVII вв. В настоящее время это сложная, но вполне осуществимая задача. Выходят в свет фундаментальные академические словари (СДРЯ XI–XIV вв.³; СлРЯ XI–XVII вв.), представляющие огромный материал древнерусских и среднерусских источников. Хотя работа над словарями еще продолжается, большая часть материала уже издана (в последнем выпуске СДРЯ XI–XIV вв., т. 12, это **соу** — **сьотьходьнь**; в т. 31 СлРЯ XI–XVII вв. — **убивание** — **улокъ**); доступны и словарные картотеки. Материалом предлагаемого словаря может служить также весь арсенал многочисленных изданий памятников XI–XVII вв. различного характера, Национальный корпус русского языка и другие электронные ресурсы; словари этимологические, старославянские, диалектные,

² Впрочем, весьма скептически относился В.И. Даль (1956. I: XXXV) и к словарям азбучного типа: «Именной и голый список всех слов, по азбучному порядку, крайне растянут и утомителен, требует многих повторений, при толковании самых близких, однородных слов, и разносит их далеко врознь».

³ Сокращения источников соответствуют принятым в СДРЯ XI–XIV вв. и СлРЯ XI–XVII вв.

современные и специальные. Как справедливо заметил О.Н. Трубачев, «...трудно мыслить историю образования слов в каком-то самостоятельном отрыве от исторической лексикологии нашего языка» (Трубачев 1994а: 28). И.С. Улуханов справедливо полагает, что «в настоящее время наиболее перспективным кажется максимальное сближение исторического словообразования с исторической лексикологией. Историческое словообразование не может обойтись без детального историко-лексикологического исследования мотивированных слов в их соотношении с мотивирующими» (Улуханов 2012: 108).

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что предлагаемый проект начнется не с чистого листа. Наличествует огромный массив дериватологических работ на материале праславянского и славянских языков, в том числе русского. Достаточно вспомнить классические поморфемные описания праславянской словообразовательной системы В. Вондрака, А. Мейе, А. Вайана, Ф. Славского, Ф. Миклошича и исторические описания аффиксов различных славянских языков. Русская историческая дериватология также нашла отражение в ряде монографий наших ученых (Ю.С. Азарх, Ж.Ж. Варбот, Т.И. Вендиной, Н.П. Зверковской, В.М. Маркова, Г.А. Николаева, И.С. Улуханова, В.Н. Хохлачевой и мн. др.).

Особого внимания специалистов заслуживает книга В. Кипарского (Kiparsky 1975) «Historische Grammatik der russischen Sprache: Die Entwicklung des Wortschatzes», в которой представлено достаточно подробное описание русского словообразования. В. Кипарский поставил своей целью дать краткое описание каждой из морфем (приставок, суффиксов), фигурирующих в представленном им материале, а также способов словосложения. Поморфемное описание исторического словообразования русского языка, осуществленное В. Кипарским в его грамматике, при всех ее достоинствах, отнюдь не решает проблемы обсуждаемого словаря. О.Н. Трубачев указывает на концептуальные недостатки этого труда: «Интересно, что половина книги Кипарского посвящена словообразованию; причем автор насчитывает более двухсот русских суффиксов... а также семьдесят префиксов (цифры также неумеренно завышены)... Главное наблюдение, которое мы вправе сделать, — это то, что Кипарский представляет себе как бы одномерное — вертикальное «развитие русского словарного состава» от индоевропейской основы до заимствований нового времени» (Трубачев 1994b: 14).

Подробный перечень работ по праславянскому и славянскому словообразованию представлен в монографии Х. Бирнбаума (1986). Следует упомянуть также некоторые лексикографические работы по другим славянским языкам. Из-за лимита места обратимся только к польской лексикографии. Такие издания, как «Словарь словообразовательных гнезд польского языка» под ред. Х. Ядацкой (SGSJO 2001–2004), обратный Словник к словарю В. Дорошевского (SJPD Ind. 1973), «Словарь старопольского языка» (SSp 1953–2002), «Словарь польского языка XVII — первой половины XVIII века» (SJP XVII–XVIII), «Словарь польского языка» под редакцией В. Дорошевского (SJPD 1958–1969) и мн. др. могут стать базовыми при построении обсуждаемого типа словаря, в сочетании с разнообразными исследованиями этимологического и исторического характера.

Ориентация на структуру подачи материала, предложенную в (ССАРЯ 2016) и пошаговая «инструкция» по построению описания исторического словообразования каждого отдельного славянского языка (Улуханов 2012: 59–72) предопределяют возможность создания не просто исторического, а историко-этимологического толкового словаря славянских морфем.

Исторический, или даже историко-этимологический словарь русских аффиксов, о котором идет речь в данной статье, является, несомненно, весьма трудоемкой, но насущной задачей. Накоплен огромный материал, и есть сотни исследований, посвященные описанию истории образования и функционирования различных аффиксов.

Вышесказанное предопределяет возможность создания историко-словообразовательных словарей каждого славянского языка в том хронологическом диапазоне, который диктуется историческим развитием каждого из них. Эта работа, разумеется, не для одного автора, но заинтересованный коллектив энтузиастов мог бы выполнять это исследование поэтапно.

II. Немного теории

1. Прежде всего следует коротко остановиться на некоторых актуальных вопросах теоретического плана, которые относятся к числу дискуссионных, и уже не раз обсуждались многими специалистами. Речь идет о роли синхронии и диахронии в процессе создания деривационных штудий⁴. Как мне представляется, наиболее четко, я бы даже сказала, жестко, эта проблема была поставлена и разрешена в уже упомянутой работе О.Н. Трубачева («Синхрония, диахрония — und kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию)»). Доклад на эту тему был впервые прочитан на конференции по истории языка и диалектологии в Яропольце осенью 1989 г., а потом опубликован в сборнике «Исследования по историческому словообразованию» (Трубачев 1994а). Однако еще раньше статья на эту тему была напечатана в журнале «Slavia» (1993, гошп. 62). И, наконец, в 2004 г. появилась последняя публикация этой работы в первом томе сочинений О.Н. Трубачева «Труды по этимологии: Слово. История. Культура» (Трубачев 2004, 511–522). Уже этот факт свидетельствует о теоретической важности работы для дискуссий и принятия решений по глубинным проблемам словообразования. Здесь представлено не только четкое изложение сущности понятий синхронии и диахронии применительно к дериватологии, но и программа действий в словарной работе — декларация интегрированного метода, который демонстрирует «неактуальность и искусственность противопоставления синхронного и диахронического словообразования, которое и так уже никого не устраивает» (Трубачев 1994а: 20). Вместе с тем ученый подчеркивает, что «синхронное словообразование есть ни что иное, как функциональный аспект словообразования вообще,

⁴ Абсолютное разграничение синхронии и диахронии, начавшееся с известного постулата Ф. де Соссюра (Соссюр 1977: 123–128), оставляет в стороне необходимость дать «описание того, что есть...», долженствующее «быть описанием того, как это стало...» (Grzegorzczkova, Puzyńska 1959: 250).

и что словообразование едино, и, как таковое, оно по преимуществу исторично» (Там же: 17). И еще: «...Щербой замечено, что словарь — это компромисс [разрядка автора — С. И.]. В словарной практике, в том числе в практике специальной исторической, этимологической лексикографии, мы на каждом шагу привыкли ценить описание фактов лексики и словообразования. Комплектное, корректное описание употребления и значения слов уже содержит в себе предпосылки реконструкции, то есть операции сугубо диахронической... Тем самым размывается граница, отделяющая резко синхронию от диахронии, описание от реконструкции. Одно от другого отграничивать — напрасный труд... Вообще — если смотреть на вещи широко... то делается ясной условность границ между дисциплинами. Всякая синхрония при ближайшем рассмотрении сползает в диахронию» (Там же: 19). Увлечшись цитированием программной статьи О.Н. Трубачева, не могу пропустить еще одну его глубокую мысль: «Если “строгость” метода (иначе — “чистота” метода) вступит в коллизию с шириной охвата данных языка, мы предпочитаем широту. Любой метод не безграничен... нужно от каждого метода брать лучшее и не пугать жупелом эклектизма ни себя, ни других, помня, что сложность языковых явлений... превосходит возможности любого метода» (Там же: 20). Необходимую связь синхронии и диахронии подчеркивают многие современные исследователи. Так, В.А. Плунгян отмечает: «... оказался преодолен негласный запрет на использование данных истории языка при синхронном анализе... полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» (Плунгян 1998: 325). Еще более категорично на эту тему высказался В.М. Солнцев: «... сам по себе синхронный подход, взятый в отрыве от диахронического, оказался не в состоянии дать адекватное объяснение всевозможных структурно-семантических преобразований в языке, его периферийным и реликтовым явлениям» (Солнцев 1977: 181). Добавлю, что В.В. Виноградов в работе «История слов» писал: «Синхроническое и диахроническое — лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего — прорыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия... всегда заключает в себе диахронические отложения прошлых эпох» (Виноградов 1994: 17).

Итак, давно пришло время осознания симбиоза диахронии с синхронией в исследованиях разных уровней языковой системы, в том числе при создании исторических деривационных словарей. Есть основания полагать, что добротные сделанные словообразовательные словари современных славянских языков, в том числе и русского, могут быть адаптированы и приспособлены для создания подобных исторических штудий. Еще в 1993 г. на XI съезде славистов в докладе «Состояние и перспективы изучения исторического словообразования славянских языков» И.С. Улуханов подчеркивал, что «разработанность теории синхронного словообразования, многие выводы, понятия и термины... в сохраненном или измененном виде могут быть использованы в теории исторического словообразования и в описании эволюции словообразовательной системы (Улуханов 1993: 448).

2. При проектировании и составлении исторических словообразовательных словарей особое внимание должно быть сосредоточено на одной весьма важной

проблеме: развитии совмещения значений словообразовательных морфем («диффузности» значений). Следует заметить, что «диффузность» значений на синхронном материале пока еще исследуется в отрыве от материала исторического, который в настоящее время изучен очень мало. И.С. Улуханов предлагает достаточно подробное описание причин появления новых значений морфем. Ученый справедливо полагает, что стимулом к развитию этих значений у словообразовательных аффиксов является расширение их сочетаемостных возможностей с мотивирующими словами (основами). Он пишет: «Сочетаясь в старом значении с новой, семантически отличной, основой, аффикс может развивать новые компоненты значения, сохраняя старые. Эти новые компоненты могут возникнуть либо под влиянием нового мотивирующего, либо просто заимствоваться у него или у внешнего контекста. Так, значение “вторичности действия” у приставки *пере-* (ее исконное значение “направленность из одного места в другое”) возникает, видимо, в сочетании с такими мотивирующими глаголами, которые могут означать перемещение чего-л., уже однажды где-л. помещенного; ср. совмещение значений “перемещения из одного места в другое” и “вторичности действия” у глагола *переставить*: а бани велѣлъ имъ изъ острогу вынести и *переставить*, на простое мѣсто, чтобъ они близко острогу не были (АИ, 5: 231; 1685)» (Улуханов 2012: 65). Автор приводит примеры «семантического заражения» морфемы от значения мотивирующего слова у таких глаголов, как *обжулить*, *обокрасть*, *обворовать*, «в которых к чистовидовому значению префикса *об-* добавилось значение ‘обмана’, свойственное мотивирующим глаголам и перешедшее потом в такие глаголы, как *обмерить*, *обсчитать* (‘обмануть при продаже товара или оплате услуги’ — С. И.), мотивирующие которых не имеют значения ‘обмана’ (Там же: 66). Так появляется новое словообразовательное значение у одного и того же форманта, который становится многозначным. Несомненно, что обнаружение различных источников появления у морфем новых значений поможет выявить типологию регулярных зависимостей между разными словообразовательными значениями (Там же). Так, по наблюдениям И.С. Улуханова, у глагольных дериватов с приставками *за-*, *вз-* и др. обнаруживаются следующие регулярные зависимости: ‘приближение’ → ‘небольшая интенсивность’, ‘направленность на (большую) поверхность’ → ‘большая интенсивность’, ‘направленность на много мест’ → ‘многократность’, ‘пространственное покрытие’ → ‘возмещение’ и ‘отсутствие последствий’... ‘направление вниз’ → ‘уменьшение’ и мн. др. (Там же). Нельзя не заметить одну из решающих ролей контекста в появлении новых значений в семантике морфем⁵.

Вопросу о совмещении значений в семантике морфем посвящена еще одна, находящаяся в печати, статья И.С. Улуханова. Автор приводит ряд приставочных глаголов, демонстрирующих различные типы семантических «совмещений»: *переадресовать*, *передислоцировать*, *переотправлять*, *переотражать*, *перезахоронить*,

⁵ Исследователи отмечают: «... контекст является компенсирующим противовесом полисемии и поддерживает точный баланс многозначности и однозначности через контекстные условия» (Ольшанский, Скиба 1987: 128).

передарить, перепоручить, перепродать, перепрятать. Здесь приставка *пере-* совмещает значение вторичности действия со значением направления действия из одного места в другое. Предметом анализа автора являются также глаголы с префиксами *под-, раз-, от-, при-, вы-, об-, за-* и, что немаловажно, их контекстное окружение, «провоцирующее» развитие новых совмещенных значений.

Заслуживают внимания данные Анны А. Зализняк о полисемии приставки *у-* и приведенная ею подробная библиографическая справка об исследованиях по многозначности ряда других русских приставок (*по-, от-, за-, при-, вз-, из-, вы-, про-* и др.) (Зализняк Анна 2006: 336–346).

Совмещению значений в славянских языках посвящены пионерские работы С.М. Толстой, в которых прослеживаются, в том числе, и семантико-словообразовательные особенности глаголов с праславянскими суффиксами **ob-ъ/*o-* и **ot-* на широком славистическом фоне (Толстая 2019: 329–353; 367–386). Из множества примеров многозначности глаголов с префиксом **ob-/o-* в славянских языках (с обсуждением возможных источников возникшей полисемии), отмеченных автором, приведем их малую часть:

**obsěsti*: • перфективность: ст.-чеш. *osjesti* ‘поселиться, занять определенное место’, словац. *osiest’* ‘занять место, захватить’, • круговое действие: словен. *obsesti* ‘сесть вокруг’, • движение вниз: с.-х. *osjesti* ‘осесть, накреститься’, польск. *osiąść, obśiąść* ‘завалиться, обрушиться, оползти, осесть’, рус. *осесть* ‘опуститься вниз’;

**obběžati*: • круговой охват: рус. *оббежать*, • перфективность: н.-луж. *hoběžat’* ‘проходить, пробегать (о времени и воде),’ • *опережение*: рус. диал. *оббежать* ‘опередить в беге’;

**občepiti*: • охват: польск. *ocześcić* ‘обвешать, навешать’, с.-х. *občepiti se* ‘обмотаться, закрутиться’, • наделение чем-л.: чеш. *očepiti* ‘надеть чепец на голову’, кашуб. *očep’ic* ‘обрядить невесту в чепец’; **obděliti*: охват: польск. *obdzielić* ‘наделить, раздать’, • «мимо»: рус. *обделить* ‘лишить при разделе’;

**obdojiti* • др.-рус. *одоити* ‘вскормить грудью’, • прекращение: рус. арханг. *обдоиться* ‘закончить дойку коров’, словен. *ubdójt* ‘отнять ребенка от материнской груди’, ‘прекратить что-л., не давать более’, кашуб. *obdojic* ‘выдоить в последний раз’ и др. (Там же: 350–351).

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что усилия создателей исторического деривационного словаря должны быть направлены, в том числе и на предварительное исследование и последующее отражение широкого процесса совмещения значений у словообразовательных аффиксов в диахронии как одного из факторов развития морфемной полисемии.

III. О «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова

Вышедший в свет в 2016 году фундаментальный «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова (ССАРЯ 2016) представляет собой новое слово в русской дериватологической

лексикографии⁶. Словарь предваряется статьей теоретического плана, в которой подробнейшим образом представлены дефиниции и понятия терминов русской синхронной дериватологии [морфема, морф, виды морфов (корневой морф, аффиксальные морфы — суффиксальные, префиксальные, интерфиксальные); объединение морфов в морфему; варианты морфемы и мн. др.]. Но самое главное — это выделение основной «характеризуемой единицы», а именно — понятия словообразовательного типа, которое трактуется как «общий отвлеченный образец, по которому построен ряд мотивированных слов. Слова одного типа характеризуются общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении» (ССАРЯ 2016: 33). Думается, что именно от этого Словаря, с его алгоритмом описания материала, следует отталкиваться будущим создателям предлагаемого словаря⁷.

Я полагаю необходимым более подробно остановиться на структуре статей Словаря, имея в виду то обстоятельство, что такое описание может быть приспособлено или адаптировано к нуждам диахронического словаря разных славянских языков. В свете всего вышесказанного такой подход представляется вполне правомерным. В каждой из статей Словаря представлена многоуровневая информация, поданная в соответствии с различными параметрами характеристики аффикса. Даются исчерпывающие сведения о каждой описываемой морфеме, а именно: состав морфов, которыми эта морфема представлена, в словах каких частей речи зафиксирована, общее значение морфемы, значения каждого словообразовательного типа и подтипа, вторичные словообразовательные значения, продуктивность морфемы в пределах каждого словообразовательного типа, полисемия или омонимия аффиксов; морфонологические явления (усечение или наращение основы мотивирующего слова, чередования, изменение места ударения), являющиеся дополнительным средством в выявлении морфонологических различий мотиви-

⁶ См. (Иорданиди 2019: 190–198). И.Б. Иткин, написавший рецензию на этот же словарь (2019: 198–211), считает неправомерным тот факт, что в «Предисловии» к словарю «не упомянута ни одна лингвистическая работа» (Там же: 209). Автор рецензии не учитывает тот факт, что существуют два способа написания «Предисловия» к фундаментальным работам академического характера: первый — введение используемой в работах терминологии с описанием истории ее появления, с полемикой, со ссылками на историю разработки этой терминологии; второй — подробное описание синхронной системы терминологии без полемики, без аргументации введения ее в употребление. Несомненно, второй способ написания «Предисловия» не менее распространен, чем первый; в частности, он использован во всех академических грамматиках современного русского языка. Использование этого способа в «Предисловии» к «Словарю словообразовательных аффиксов» отнюдь не означает, что «книга устарела за много десятилетий до (sic! — С. И.) до выхода в свет» (Там же: 210). Таким образом, опровергается главный вывод рецензии И.Б. Иткина.

⁷ В статье «Основы построения исторического словообразования русского языка», задолго до выхода в свет «Словаря словообразовательных морфем русского языка», И.С. Улуханов писал: «Полагаем, что структура описания исторического словообразования русского языка может быть аналогична структуре наиболее полного описания словообразования современного русского языка, содержащегося в (РГ 1980). Основной характеризуемой единицей в ней является словообразовательный тип, т. е. совокупность мотивированных слов, характеризующихся общностью значения форманта и части речи мотивирующих слов» (Улуханов 1994а: 9). Таким образом, мы не нарушаем рекомендаций ученого, а, напротив, прибегаем к использованию источника, более нового, существенно более полного и очень информативного.

рующего и мотивированного слов. А также фиксация места ударения в мотивированном слове — или совпадающего с местом ударения в мотивирующем, или же независимого от него. В упомянутом сборнике (1994) опубликована также статья И.С. Улуханова (Улуханов 1994b), в которой постулируется давно назревшая необходимость составления исторических словообразовательных исследований славянских языков, а именно: «...создание достаточно полного обобщающего описания конкретного материала, выработка системы единиц и терминов, пригодных для такого описания, определение структуры этого описания» (Улуханов 1994b: 4). И далее: «...нельзя не сказать о слабой изученности диахронических морфонологических явлений, сопровождающих словообразовательные процессы. Необходимо создать историческую словообразовательную морфонологию русского языка, включающую в свой состав и историческую словообразовательную акцентологию» (Там же: 12). Но, увы, такого исследования пока не существует.

Как нам представляется, такое видение проблем в процессе составления деривационного диахронического словаря не может не стать руководством к действию. Разработка вопросов исторической морфонологии и акцентологии, важная сама по себе, призвана сделать проектируемый словарь еще более «толковым».

Здесь словарные статьи будут содержать больший объем информации, чем это было принято до сих пор. Такая кажущаяся сложной «архитектура» словарного описания подчинена единому алгоритму. Выделяются две ступени: семантико-словообразовательная и морфонологическая, предваряющиеся вводной частью, в которой представлены общие сведения о заглавной морфеме — ее морфное варьирование и орфографические варианты.

Итак, давно назревшая необходимость создания исторического деривационного словаря предполагает прежде всего выявление инвентаря словообразовательных морфем и морфов, их составляющих (префиксов, суффиксов, конфиксов). Первоочередная задача будет заключаться в классификации морфем по их генетической характеристике: являются ли они праславянскими, восточнославянскими, собственно русскими или заимствованными, а также в создании алгоритма их описания в словарной статье с опорой на наших предшественников и, разумеется, на рассмотренный выше Словарь. Элементы алгоритмического рисунка в статьях, конечно, не всегда могут быть полностью реализованы, находясь в прямой зависимости от продуктивности/непродуктивности аффикса.

Несомненно, предисловие Словаря является ценным вкладом в теорию современного русского словообразования. Следует добавить, что в одной из уже упомянутых программных статей (Улуханов 2012: 72–82) ученый предлагает пошаговую инструкцию по составлению диахронических словообразовательных словарей не только для русского, но и для других славянских языков. Полагая, что поморфемная подача материала, принятая в трудах уже упомянутых выше славистов-классиков, слишком статична, И.С. Улуханов подчеркивает, что первейшая задача лексикографов заключается в особом внимании к свойствам морфем, которые могут менять значение на протяжении изучаемого хронологического отрезка.

Пересказывать эту важную для историков-лексикографов статью нецелесообразно; я лишь хочу обратить внимание коллег на эту чрезвычайно полезную работу, которая может стать в перспективе (наряду со Словарем) нужным и авторитетным помощником при построении славянских исторических деривационных словарей.

IV. Краткий очерк по истории дериватов с суффиксом *-тв(а)*

Из всего многообразия суффиксальных морфем для построения пробной статьи нами выбран суффикс *-тв(а)*. Обозримость материала играет решающую роль в выборе объекта исследования. Полагаю необходимым предложить небольшой очерк по функционированию этого форманта в письменности XI–XVII вв.

Этот суффикс относится к периферийному участку словообразовательной системы отглагольного имени в русском языке. Особенности функционирования описываемых образований в письменности древнерусского периода различной жанровой отнесенности позволяют утверждать, что сущ. с суф. *-тв(а)* не были связаны с системой языка повседневного общения, оставаясь в рамках системы церковно-книжных традиций. Данные летописей, характеризующихся структурным разнообразием языка, подтверждают этот вывод.

1. Суф. *-тв(а)*⁸ восходит к прасл. суф. **-tv(a)*. Исконная принадлежность суф. *-tv(a)* праславянской словообразовательной системе констатируется в этимологических и историко-лингвистических работах. Так, А. Мейе (Мейе 1951: 296) отмечает: «Без присоединения на конце *-s*, но с присоединением на конце *-a* мы имеем суффикс *-тва*, дающий известное количество отглагольных имен типа *молитва* от *молити*, *клятва* от *кляти*, *рватва* ‘разорванное место’ от *рвати* и т. д.». По мнению А. Мейе, высказанному им в другой работе (Meillet 1905: 304), суф. *-тва* не был продуктивным уже в праславянском. Основанием для такого утверждения явился тот факт, что в старославянских текстах с данным суффиксом засвидетельствовано небольшое количество слов. Материалы старославянского словаря (СС 1994) подтверждают наблюдения А. Мейе о единичности образований на *-òàà* в старославянских рукописях. В СС отмечено всего восемь слов этого словообразовательного типа: *ǰǫòàà* (94); *èè`òàà* (33); *ì ìèèòàà* (>400); *áðèòàà* (2); *ǰǰèòàà* (2); *ì ãòàà* (2); *ǰúáàòàà* (2); *ǰúí ãòàà* (2). Другие имена на *-тв(а)*, отраженные в древнерусских текстах, в старославянских рукописях не отмечены, хотя соответствующие глаголы представлены значительным числом употреблений: *ýǰòè* (>300); *ì èðè* (184); *áèðè* (>100); *áúçáàðè* (>100); *ǰáí èðè* (23) и менее частотными употреблениями *ìðàðè* (4); *ǰáèèðè* (1) (СС 1994). В то же время *ǰúáàòàà* ‘ломота, боль’ и *спаства* ‘спасение, избавление’ в древнерусских источниках не зафиксированы.

⁸ В работе учтены некоторые материалы и наблюдения И.В. Гореловой (Андриановой), см. (Горелова 1974: 233–240). См. мою статью (Иорданиди 2013, 16: 280–283).

Наблюдения о происхождении суф. **-tv(a)* и о его функционировании в прасл. имеются в работе А. Вайана. Исследователь полагает, что «в славянском *-tva* представляет собой субстантивацию в женском роде тематического суффикса **-tvo*, который равным образом дал в мужском роде — *tvŭ*, в среднем *-tvo* и отсюда *-stvo*, *-ŭstvo*» («en slave *-tva* est la substantivation en feminine d'un suffixe thematique **-tvo*, qui a donné egalement un masculine *-tvŭ*, un neuter *-tvo* et de la *-stvo*, *-ŭstvo*») (Vaillant 1974: 382–385). Исследователь также считает, что образование **čuvitva* «... должно быть, ошибка — вместо **čuvitvo* ‘орган чувств’» («... doit n'être qu'une faut pour *čuvitvo* ‘organe des sens’») (Vaillant 1974: 381)⁹.

Большая часть deverбатов с суф. *-tv(a)*, зафиксированных в древнерусской письменности, по данным этимологических исследований и данным древнерусского и других славянских языков, принадлежит праславянскому словарному фонду. Помимо уже отмеченных, сюда относятся также следующие дериваты:

**gonitva* от **goniti(se)*, др.-рус. *гонитва* ‘преследование, погоня’; **gostitva* от **gostiti*, др.-рус. *гоститва* ‘пир, пиршество, угощение’; **žatva* от **žati*, др.-рус. *жатва* ‘жатва, уборка хлебных злаков’; **ženitva* **ženiti(se)*, др.-рус. *женитва* ‘женильба, брак’; **žrtva* **žrti*, др.-рус. *жертва* ‘жертвоприношение’; **kļetva* от **kļeti(se)*, др.-рус. *клатва* ‘проклятие’; **kolitva* от **koliti*, др.-рус. *колитва* ‘заклание’; **lovitva* от **loviti*, др.-рус. *ловитва* ‘охота, ловля’; **modlivta* от **modliti(se)*, др.-рус. *молитва* ‘мольба, просьба, моление’; **mytva* от **myti(se)*, др.-рус. *мытва* ‘мытье’.

В самых ранних славянских памятниках три деривата с рассматриваемым формантом выступают исключительно с предметным значением ‘носитель процессуального признака’: так, *brutva* (из **britva* от *(*briti(se))*) как *nomina instrumenti* фиксируется в старославянских и древнерусских текстах: **britva* ‘нож’ ‘бритва’; **čuvitva* ‘орган чувств’. Что касается сущ. *xranitva* ‘предохранительная навязь’, то, вероятно, оно может быть отнесено к группе существительных — восточнославянских рефлексов праславянских образований на **-tv(a)*.

Ф. Миклошич относит к числу старославянских и церковнославянских образований на *-dāā* несколько имен: *ǰǰeūdāā*, *ǰūčāādāā*, *ǰēēēdāā*, *ǰēēēdāā*, *ǰēēdāā* (Миклошич 1875: 178). Из этого списка, в соответствии с данными (ЭССЯ 1983, 10: 137), должно быть исключено сущ. *ǰēēēdāā*. Ж.Ж. Варбот (1969: 129) высказала предположение о том, что пары *ǰāāāā* — *ǰāāāā* и *ǰūāāā* — *ǰūūāāā* — это старославянизмы от глаголов с корнями **or-* ‘пахать’ и *sě-* ‘сеять’.

Эти пары представляют собой «хронологически различные образования», вторые члены которых возникли в результате утраты старых корневых инфинитивов **рати* и **сьти*, что обусловило «обновление сохранявших этимологическую прозрачность имен, образованных от корней, путем замены корневой основы основой суффиксальной, на *-a*» (Там же). Что касается пары *ǰства* и *ǰства* — синхронно нетождественных лексических единиц, то одно из них — *ǰства* — должно быть отнесено, вероятно, к группе существительных — восточнославянских рефлексов

⁹ Заметим, что в «Словаре из Пандекта Антиоха XI века» (Амфилохий 1880: 163) в качестве заглавного слова в исходной форме представлено *ǰǰēdāā*.

праславянских образований на *-тва*. Такого же происхождения, по-видимому, сущ. *прѣтва*, *селитва*, отмеченные в церковно-книжных памятниках древнерусского периода.

Суть происходящих в семантике deverбатов изменений связана с тенденцией развития предметных значений у имен действия — в результате уменьшения *глагольности* в этой категории слов в историческом движении языка. А.А. Потебня, касаясь отношений между именем и глаголом, четко формулирует следующее наблюдение: «...в русском языке и других заметно: увеличение противоположности имени и глагола и стремление сосредоточить предикативность в глаголе на счет предикативности имени» (Потебня 1968: 5). Процесс «опредмечивания» deverбатов развивался на фоне активизации глагола в грамматической системе русского языка по отношению к нашему времени и привел «к переосмыслению прежних и установлению новых семантических отношений между именем и глаголом: все “глагольные” значения имен (действие, результат действия, орудие, объект, субъект, место действия и др.) стали осмысляться как вторичные по отношению к глаголу... поскольку значение действия является общим категориальным значением глагола, а не имени» (Историческое словообразование 1984: 11). Как справедливо отмечает В.Н. Хохлачева, «усилия языка направлены на забвение глагольной формы отглагольных существительных» (Хохлачева 1969: 100). Углубление семантической и грамматической противопоставленности имени и глагола — с одной стороны, и двойственная семантико-грамматическая природа отглагольных *nomina actionis* — с другой (совмещение двух категориальных значений: процессуальности и предметности) стимулировали тенденцию к развитию предметных значений у отглагольных существительных. Как представляется, принципиальное значение для исторических словообразовательных штудий приобретает введение понятия *критерий глагольности*, которое может быть определено как способность имени действия сохранять в своей семантической структуре в той или иной степени значение процессуальности — см. подробнее (Иорданиди 1998: 144–150; Иорданиди 2002: 184–185). Исследователями уже выявлены условия сохранения процессуального значения у отглагольных имен: это сочетания deverбатов с глаголами определенных лексико-семантических групп (Кузнецова, Сиверина 1979: 64–70); Коряковцева 1998: 39–49). Не менее важным представляется и лингвистическая интуиция исследователя в «паспортизации» наблюдаемых фактов (Мельчук 1997, I: 21).

Имена, мотивированные глаголами, отличаются сложностью семантической структуры.

Все возможные виды глагольно-именных семантико-словообразовательных отношений в парах глагол: имя могут быть представлены в следующем виде: 1. $V - N_v$; 2. $V - N_s$; 3. $V - N_{vs}$, где V — глагол, N_v — сущ. со значением процессуального признака, N_s — сущ. со значением предметности и N_{vs} — сущ., совмещающее в себе значения процессуальности и предметности. История развития семантической структуры сущ. на *-тв(а)*: *клятва*, *молитва*, *мытва* и др. уже в древнерусских памятниках XI–XIV вв. составляют словообразовательный тип,

в котором представлен весь комплекс значений, реализующийся в эволюции глагольно-именных словообразовательных отношений. Значение процессуального признака (N_v) заключено в таких девербативах, как *въздатва* ‘воздаяние’ от *въздати* ‘воздать’; *губитва* ‘уничтожение, погубление’ от *губити* ‘уничтожать, губить’; *колитва* ‘заклание’ от *клати* ‘колоть’; *мытва* ‘мытьё’ от мыти (са) ‘мыть-ся’; *оратва* ‘возделывание земли, пахота’ от *орати* ‘пахать’; *сьятва* ‘сеяние’ от *сьяти* ‘сеять, засеивать’; *желътва* (*желитва*) ‘плачь’ от *желъти* ‘скорбеть, сожалеть’. Конкретно-предметные значения (N_s) представлены лексемами *бритва* ‘нож, бритва’ от *бритиса* ‘бриться’, *хранитва* ‘предохранительная навязь’ от *хранити* ‘хранить’; *чувитва* ‘орган чувств’ от **čuti*. Более широкий спектр значений демонстрируют субстантивы *жатва*, *жъртва*, *клатва*, *ловитва*, *молитва*, *паства*, *лътва* (они относятся к группе N_{vs}).

Итак, семантически неоднородными были уже древнейшие образования на *-тв(a)*, принадлежавшие праславянскому словарному фонду (Vaillant 1974: 384), хотя в древнерусской письменности они обнаруживают еще тесную семантическую связь с производящими глаголами. Значение этих имен мотивировалось лексико-семантическими вариантами производящего глагола: либо это совпадающие с глаголом *nomina actionis*, либо слова с результативными или конкретно-предметными значениями, но также представляющие собой названия «продукта действия».

Сравнительное исследование материалов древнерусской и среднерусской письменности дает возможность заключить, что семантическая структура дериватов на *-тв(a)*, засвидетельствованных в источниках XI–XIV и XV–XVII вв. в части случаев совпадает. Вместе с тем обнаруживается тенденция к ослаблению глагольности, действующей в истории *nomina actionis*. Процесс «опредмечивания» протекает как вытеснение на периферийные позиции транспозиционного значения действия. Так, субстантив *паства* со значением процессуальности ‘пастьба, пасение’ в материалах среднерусского периода фиксируется в единичных случаях. Аналогичная трансформация значений наблюдается в истории слова *клятва*. Первичное значение ‘проклятие, пожелание зла’ в древнерусских текстах представлено значительным массивом образований. *Клятва* в этом значении засвидетельствована в различных по характеру источниках — Изб 1076, Надп 1161, СбТр XII/XIII, КР 1284, ГА XIV₁, МПр XIV₂, ПКП 1406¹⁰ и мн. др. Такое значение сущ. *клятва* в среднерусских источниках представлено единичными примерами в текстах XVI в. В более поздних материалах фиксируются многочисленные примеры таких значений, как ‘клятва’, ‘присяга’ ‘обет’¹¹. Движение по пути «опредмечивания»

¹⁰ См. Указатель источников в Предисловии первого тома СДРЯ XI–XIV вв.; далее приводятся сокращенные названия источников также из СлРЯ XI–XVII вв.

¹¹ Чрезвычайно интересные наблюдения о распределении основных значений праславянского **kleŭta* по славянским языкам приводит С.М. Толстая: ‘клятва, присяга’ — ст.-слав., рус., белор., макед., с.-х. (в остальных языках **prisęga*); ‘проклятие, брань’ — ст.-слав., рус. диал., белор., укр., польск., чеш., словац., словен., в.-луж., болг., макед., с.-х.; ‘заклинание, заговор’ — рус. диал., укр., польск. (в остальных языках в этом значении выступают отглагольные дериваты типа *заклиание, заклятие*) (Толстая 2019: 488).

и «состояния» демонстрирует и сущ. *пнтва*, выступающее в древнерусских источниках в значении ‘состояние опьянения’. Но уже тексты XV–XVI вв. документируют это образование в значении ‘хмельной напиток’, ‘пир, торжество с обильными хмельными напитками’.

Переход *nomina actionis* в *nomina instrumenti* иллюстрирует история слова **britva* в славянских языках (ср. *britva* / *britev* *golenie* ‘бритье’ в словенском языке). Сущ. *бритва* обнаруживает значение ‘рыба, из рода сельдей’ в диалектном языке (Даль 1956, I: 128). Любопытный случай перехода *nomina actionis* в *nomina agentis* зафиксирован в архангельских говорах: здесь дериват *битва* имеет значение ‘бойкий ребенок’ (ЭССЯ 1974, I: 101).

«Снижение» глагольности или ее потеря в истории русского языка предстает не как жестко детерминированный процесс: немногочисленные образования на *-тв(a)*, закрепившиеся в современном литературном языке, все же сохраняют в своей семантической структуре в качестве основного значение процессуальности (*битва*, *жатва*, *молитва*) (РГ 1980: 165). В то же время *паства* и *яства* манифестируют полную утрату транспозиционного значения действия.

В среднерусской письменности представлены все дериваты на *-тв(a)*, отмеченные в древнерусских текстах (за исключением слов с транспозиционным значением — *вздатва*, *губитва*, *мытва*, *прътва* и мутационных образований *хранитва* и *чувитва*). Новообразованием среднерусского периода можно считать, по-видимому, сущ. *нятва* ‘плен, неволя’, мотивированное глаголом *яти*, *иму* с протетическим *н-*.

Образования на *-тв(a)* в среднерусский период фиксируются преимущественно в письменности, ориентированной на книжно-письменный тип языка. В материалах народно-разговорного типа языка — деловых и бытовых документах — эти девербативы почти не отражены. Непродуктивность этой модели в деловых документах XV–XVII вв. отмечает (Азарх 1984: 192).

О бытовании исследуемых дериватов в русских говорах можно сказать следующее. В СРНГ отмечены такие имена на *-тв(a)* с мутационным значением, как *бритва* ‘большой острый широкий нож для очистки кожи’ и ‘рыба, к роду сельдей причисляемая’ [без указания места]; *едства* ‘еда, кушанье’, *питства* ‘то, что пьют’ (Так спасибо, моя родитель-матушка, за хлеб, за соль и за все *едству*, *питству* сахарную) Каргоп. олон. Ильинский: 1896; *ества* и *яства* ‘яство, еда, кушанье’ волог., арх., яросл., костром., смол., псков., орл., казан., вят., перм., свердл., сиб., тюмен., печер.; *жатва* ‘солома, оставшаяся после жатвы на корню, стерня’ (Старик на это согласился, снял пшеницу, а медведю оставил *жатву*) псков.; *жертва* ‘плоды, животные и т. п., приносимые в церковь для освящения’, вят., 1907; ‘еда’ (А котора птица какую *жертву* ела, она кости оставила) арх., вят.; *житва* ‘время жатвы’ псков., твер. курск., орл., смол.; ‘место, где жнут или на котором уже сжали’ псков., новг., сред. урал.; ‘солома? собираемая в поле после перевозки хлеба’ ворон.; ‘скошенная рожь’ липецк.; *жрѣтва* ‘обжора’ (обычно бранно) моск., курск., ворон., смол.; *паства* ‘ночное’ (Ездили на *паству*, коней пасли) псков., 1965; ‘выгон, пастбище’ (*Паствы* у нас хорошие. трав много.) сарат., 1960; ‘плата пастуху за пастьбу’

дон., 1929; *клятва* ‘брань, ругань’ рязанск., 1969; *конопáства* ‘место, где пасутся лошади’ псков., твер. 1855; *молитва* ‘текст заговора’ забайк. 1925; ‘охранительный заговор молодым на свадьбе или скоту от зверей’ волог. 1970; ‘неприличные стихи, которые читают при игре «в лошадь» костром., 1917 и др.

Семантическая структура сущ. с суффиксом *-тв(a)*, отмеченных в русских говорах, в ряде случаев отличается от семантики соответствующих образований в литературном языке. Некоторые диалектные дериваты имеют преимущественно значение имен действия: *боронитва*, *грабитва*, *грества* (см. СРНГ). Распространенность девербативов на *-тв(a)* в диалектном языке (в более широком репертуаре, чем в литературном) следует отнести, как кажется, в какой-то мере к влиянию книжного языка: эти формы не были чужды разговорному языку, послужившему источником этих форм в языке диалектном.

Таким образом, можно констатировать регулярную полисемию слов-транспозитов, т. е. возможность выражать ими, кроме общего, и частные словообразовательные значения (РГ 1980: 136). Иначе говоря, отглагольные имена могут выступать не только как транспозиционные, но и как мутационные образования. Дериваты, зафиксированные в древнерусской письменности, обнаруживают мутационное значение в таких случаях, как: *жатва* — от *жати* ‘жать, сжинать’: 1. Время жатвы; 2. Поле, готовое к жатве; 3. Собранный хлеб; 2. *жьртва* — от *жьрти* ‘совершать жертву, приносить жертвоприношение’: 1. Жертвоприношение; 2. То, что приносится в жертву; *клатва* — от *клати* ‘проклинать’: 1. Проклятие, пожелание зла. 2. Клятва, присяга; 3. Завещание; *ловитва* — от глагола *ловити* ‘охотиться, ловить зверя, птицу, рыбу’: 1. Охота, рыбная ловля; 2. Ловушка; 3. Добыча, улов; Вид игры или состязания; *молитва* от *молити(са)*: 1. Мольба, просьба; 2. Молитва, слово, обращенное к Богу; *наства* от *насти* ‘пасти скот’, перен. ‘воспитывать, наставлять’: 1. Пасение скота; 2. *Перен.* Наставление, воспитание; 3. Пастбище; 4. *Перен.* ‘духовное стадо, паства’; *ѣства* от *ѣсти* ‘есть, принимать пищу’: 1. Принятие пищи, трапеза; 2. Пища и др.

Отраженный в нашей работе диахронический анализ семантической структуры образований на *-тв(a)* показал, что эта структура не остается неизменной и предстает как развивающееся явление во времени и пространстве. Основные этапы этого развития — от исходной системы до современного состояния демонстрируют расширение позиций мутационного словообразовательного значения.

Подытоживая все вышеизложенное, можно констатировать, что в истории существительных с суф. *-тв(a)* прослеживаются особенности, присущие и другим отглагольным словообразовательным типам. Прежде всего — и это главное — наблюдается все дальше идущее ослабление связи существительного с мотивирующим глаголом и, как следствие — возможная утрата процессуального признака у мотивированного слова.

Таким образом, представляется правомерным вывод о том, что изменения в семантической структуре образований на *-тв(a)* связано с общим противопоставлением имени глаголу, отчетливо проявляющимся в процессе исторического развития языка.

Вместо заключения

Уже приведенный материал демонстрирует, насколько было бы важно и интересно показать поступательное развитие каждого словообразовательного аффикса на протяжении истории языка. В связи с этим весьма перспективными нам представляются соображения И.С. Улуханова о необходимости создания словообразовательного словаря, хронологические рамки которого — это X–XX вв. В противном случае «разрывается единая картина эволюции описываемого явления, в то время как показ эволюции свойств морфем — важнейшая задача исторического словообразования» (Улуханов 2012: 73–74). Такой проект возможно осуществить при условии, что кроме словаря, о котором идет речь в данной статье, будут созданы деривационные словари XVIII и XIX вв. Так что предлагаемый словарь будет лишь первым шагом на пути создания полного деривационного историко-этимологического словаря русского языка.

Цель такого описания заключается в изложении конкретных словообразовательных типов и средств, выявление их взаимодействия в разные эпохи, демонстрация общих тенденций деривационной системы русского языка и основных причин ее эволюции (Там же: 72). Ученый предлагает конкретный план создания такого словаря, расписанный по пунктам, с использованием диахронного и синхронного методов. Сейчас нет необходимости подробно излагать этот план; отметим, что постулаты его бесспорны.

Хочется надеяться, что данная публикация — это не просто «информационный шум», но предпосылка к реализации идеи создания исторических деривационных словарей и в России, и на всей территории Славии.

Далее приводится предварительная пробная статья для суффикса *-тв(а)*, снабженная материалами древне- и среднерусского периодов.

Приложение

Пробная статья¹²

Суффикс *-тв(а)*

Сущ. жен. рода (парадигма типа *жена*).

Восходит к прасл. суф. **-тв(а)*:

**gonitva* от **goniti(se)*, др.-рус. *гонитва* ‘преследование, погоня’; **gostitva* от **gostiti*, др.-рус. *гоститва* ‘пир, пиршество, угощение’; **žatva* от **žati*, др.-рус. *жатва* ‘жатва, уборка хлебных злаков’; **ženitva* **ženiti(se)*, др.-рус. *женитва* ‘женильба, брак’; **žrŭtva* **žrŭti*, др.-рус. *жьртва* ‘жертвоприношение’; **klętva* от **klęti(se)*, др.-рус. *клятва* ‘проклятие’; **kolitva* от **koliti*, др.-рус. *колитва* ‘заклание’; **lovitva* от *loviti*, др.-рус. *ловитва* ‘охота, ловля’; **modlivta* от **modliti(se)*, др.-рус. *молитва*

¹² Иллюстративный материал подается в хронологической последовательности.

‘мольба, просьба, моление’ **mytva* от **myti*(se), др.-рус. *мытва* ‘мытье’ и др. (Vailant 1974, IV).

Является непродуктивным почти во всех славянских языках.

ЗМ (значение морфемы): *действие или состояние, соотносящееся с мотивирующим словом*

Сущ < *глг*

Способ образ.: суффиксация

ЗТ (значение словообразовательного типа): **ЗМ**

Битва < **бити** ‘биться, сражаться’

Древн.рус. **Битва** — ‘бой, сражение’: *и потомъ отступи князь Юрьи въспясть, а князь Изяславъ по немъ поиде, яко солнцу заходящу съступишася обои, и бысть битва велиа и съча зла.* Ник. лет IX, 181.

Средн.рус. ‘битва, бой’: **Битва**, *драка воинская.* Алф., 35. XVII в.

Жатва < **жати** ‘жать, сжинать’

Древн.рус. **Жатва** ‘жатва, уборка хлебных злаков’: *видѣхъ въ время жатвы народъ много (τοῦ θέρους).* СбЧуд XIV, 62а; *Люто бесплодье земля и люто безгодная ж(а)тва (θερισμός).* ГБ к. XIV, 111а.

Средн.рус. ‘жатва, уборка хлебных злаков’: *Остави жатву свою, начни имати вино.* ВМЧ, Окт. 4–18, 1069. XVI в.

Желитва, желѣтва < **желѣти** ‘скорбеть, горевать’

Древн.рус. **Желитва** ‘печаль, скорбь’: *се бояре слоуживше тобѣ мн.аще(с) иногда велици быти тебе дѣла. нынѣ же лишение твоѣя любве. желитвѣ дома великыя створше. съд(а)т) в нихъ въ мн(о)зѣ оунынии.* ПКП 1406, 117а.

Средн.рус. **Желѣтва** ‘печаль, скорбь’: *Се бо и бояре твои... нынѣ же лишени твоеа любве. желѣтвѣ дома велики сътворивше, и съдятъ в нихъ въ мнозѣ унынии.* Патерик Печ., 84. XV в. ~ XIII в.

Женитва < **женити** ‘женить’

Древн.рус. **Женитва** ‘женитьба’: *то же аще нѣции. мѣлчавѣше и приимѣше въ повельнии прѣбывати. тако по сихъ приидоша на женитвоу прѣстати имѣ отъ слоужения (ἐπὶ ὑάμων).* КЕ XII, 83а; *сло(в) о женитве и о любодѣянии.* Пр 1383. 151а.

Средн.рус. **Женитва** ‘женитьба’: *Ино всякое государство имѣетъ свой обычай; того для всегда таково зговоръ о женитвѣ грамотами утверждается, чтобы не было споны.* Рим. имп. д. I, 295. 1518 г.; *Доброе хулять: женитву, а злое хвалять: прелюбодѣяние, содомский грѣхъ.* Посл. к Ив. Гр., 81. 1547 г.

Жьртва, жертва < **жьрти, жерети** ‘приносить в жертву’

Древн.рус. **Жьртва** ‘жертвоприношение’: *Дрѣвле оубо понавляя църкѣвъ соломоно. бесловеснѣ скотѣ. животныхъ жьртвы. и всесѣженіе. приношааше господи.* Стих 1156–1163, 99; *Агньца на жьртву първое принесе, и вьнѣць страстии първое въсприятъ.* Стихирарь, 4 об. XII в. и *приношахоу жьртвы въ капитоли диосови ѣкраты лоуноу.* КН 1280, 56в–г.

Средн.рус. **Жертва (жьртва, жрътва, жерътва)** ‘жертвоприношение’: *И начаша жеръту приносити идоломѣ, и томѣ чясе разделишася земля, и пожрех и двѣ тѣмы*

и три тысячи. Сл. и поуч. против языч., 189. XVI в.; *Показа ангель господень мьсто Авраму вознести богу жертву и заклати сына своего.* Х. Тр. Короб., 24. XVII в.

Клатва < **клати** ‘проклинать, осуждать, бранить’

Древн.рус. **Клатва** ‘проклятие, пожелание зла’: *блгословение бо оче оутвьрь-жлать. домы чладомъ клатва же мтр<ь>на искореняеть до основания.* (жхтѣрс) Изб 1076, 156; *а мене грѣшна(ѣ) не клени(т).* *луче ксть блг(с)вние неже клатва.* Ев 1362, 253 об. (приписка). Ср. **лихоклатва** ‘ложная клятва’: *все кже азъ помню. и яже свѣдыи створихъ и несвѣдыи... и лихоклатвы и лѣжа помышления. и неправыя поустоши дѣля.* СбЯр XIII, 26.; *гль Г(с)ь послю н(а) вы клатву и проклену блгвнне ваше разорю. и не будетъ васъ.* ЛЛ 1377, 99.

Ловитва < **ловити** ‘охотиться, ловить зверя, птицу, рыбу; искать, подстерегать кого-л., чтобы задержать’

Древн.рус. **Ловитва** ‘охота, рыбная ловля’: *въ ловитвахъ.* ГрБ № 854. XII в.; *нѣкогда ц(с)рю Феодосью на ловитвоу ишедъию, дружиннъ соуци окр(с)тъ него оутаивъса... приде къ ѣтероу мниху (хунѣрѣси).* ГА XIV₁, 257б; *и приправи вса ѡ(т) рыбнѡхъ ловитвы къ берегу.* Пал 1406, 136а.

Средн.рус. **Ловитва** ‘охота, лов (зверей, рыб, птиц)’: *Царь же и казанцы, яко уведевше... царя и великого князя... яростию и лютоистию, яко лва в ловитве своей прецением рыкающе на них... за великую их к нему обиду и неправду и леть... предавшесе ему.* Каз. ист., 133. XVI в.; *Ужасъ бо одержаше его и вся суцая с нимъ о ловитвъ рыбъ еже яша.* ВМЧ, Окт. 4–18, 1182. XVI в.

Молитва < **молити** ‘просить, умолять’

Древн.рус. **Молитва** ‘молитва, молитвенное обращение’: *И не замьдли въздати молитвоу въ врѣм. (εὐχὴν).* Изб 1076, 178 об.; *да млтву вечернюю створи(м).* СбПаис XIV/XV, 162 об.; *съ же поѣ на млтвоу са обрати. и бы(с) ѣмоу гла(с).* ПКП 1406, 106г.

Средн.рус. **Молитва** ‘молитва; слово, обращенное к Богу’: *Тебѣ бо дана бысть блгодат<ь> млитис(я) за ны. Се бо млтвы твоя и добродѣтели твоя и помянены быша.* ВМЧ, Апр. 22–30, 1097. XVI в.

Мытва < **мыти (са)** ‘мыть, мыться, стирать’

Древн.рус. **Мытва** ‘мытье, купание; стирка’: *дивно видѣхъ землю... Словеньску... видѣхъ банѣ древалы... и возмутъ вѣники. и начнутъ хвостати(с)... и тако творятъ по вса дѣи. не мучими никымже. но сами са мучать. и творд(т) не мытву себѣ а не (в др. сп. но) мученье.* ЛЛ ок. 1425, 5.

Оратва < **орати** ‘возделывать землю, пахать’

Древн.рус. **Оратва** ‘возделывание земли, пахота’: *еще оубо идоуть лѣта в наже не будетъ ни оратвы ни жатвы.* Пал 1406, 90а; /образн.: *оубогъ блше. и безъ оратвы и всего отверженье възлюбивъ. кже имаше прежде. легко преплу море сего жи(т)я (ἀνήροτος).* ГБ к. XIV, 168а.

Средн.рус. **Оратва** ‘возделывание земли, пахота’: *На томъ врѣсь бѣ земля мякка и доброплодна. и отдаю ц(т)сарь гражаном на оратву [по др. сп.: оратню] (εἰς γεωργίαν).* Флавий. Полон. Иерус. II, 232. XVI в. ~ XI в. *Ни оратвы, ни съятвы не бысть.* Ж.А. Ош., 179. 1567 г.

Паства <пасти, паствити 'руководить, наставлять'

Древн.рус. Паства 'наставление, воспитание': [Феодосий] *накы же призывавъ стефана ѳединого оучааше и кже о паствъ стѣаго того стада*. ЖФП XII, 636; (1289) и за трж(д) *паствы людїи его прїати отъ него вѣнецъ славы*. ЛИ ок. 1425, 304 об.

Средн.рус. Паства 'управление, попечение, руководство': *И после де подружїя своего жилъ [вдовый дьякон] благочинно... и въ чистотъ подѣ паствою отца своего духовнаго*. Арх. Стр. II, 51. 1605 г.; *Изволила ты писать, что предала меня в паству матери божїей; и, такова пастыря имѣючи, почто печаловать?* Петр, I, 15. 1693 г.

Питва <пити 'пить хмельной напиток; пировать'

Древн.рус. Питва 'пир, торжество с хмельными напитками': *И рече Есфирь... да пришелъ цѣрь Аманомъ днес<ь> на питву, еже быхъ створили ему*. Кн. Есфирь, 149. XIV–XV вв. ~ XI–XII вв. *Пришед, видѣхъ Варсуву, цѣря Одолмитска, и створи ми питву* (ποτόν). Палея Толк²., 161 об. 1477 г. ~ XIII в.

Селитва <селити (сѧ) 'проживать, селить(ся)'

Древн.рус. Селитва 'проживание': *Бысѣ... мнихѣ... в пустыни же нѣкоеи. сена-ридскыя земля селитву творя рекше жи(ли)ще имыи* (τὰς οἰκήσεις). ФСт XIV/XV, 20 б–в.

Средн.рус. Селитва 'поселение, проживание': *Огнь паки на ...теплоту и на свѣтъ нощїю ...служба, вода на питие... земля на селитву и на отдавание всякимъ плодомъ и древомъ*. Козма Инд., 47. XVI в. ~ XII–XIII вв.; *Еродий есть именуема нѣкая птица, вельми чадолюбива, яко и врабїеве птица около гнѣзда ея селитву имут*. Алф.¹, 80 об. XVII в.

Сѣятва <сѣяти 'сеять, вносить семена в почву'

Древн.рус. Сѣятва 'сеяние, сев': *На другое лѣто насыаста ту же ниву ... и кончанъ бывши сѣятвъ, и пожатъ бывши нивъ и соброста плодъ тоя же нивы*. Ж. и ч. Николы, 62. XIV в. ~ XI в.

Средн.рус. Сѣятва (сеятва) 'сеяние, сев': *Отѣиди убо от мене. Прешла есвъ лѣты, премину время сѣятвы, угасе плотское хотѣние, время многое теплоту угаси* (τῆς σποράς). ВМЧ, Сент. 14–24, 1363. XVI в.; *И питахуся вси старыми труды, такожде и убивающих их питаху: орание бо и сеятва и жатва мятѣшеса, мечю на выи всегда у всех належашу*. Сказ. Авр. Палицына¹, 106. 1620 г.

Ѣства <ѣсти 'есть, принимать пищу'

Средн.рус. Ѣства (ества) 'действие по глаголу ѣсти': *А кому к нему приити беседы ради духовныя, — и он приди не в трапезное время: ествы и пития в те поры не было — ино то беседы духовная*. Ив.Гр.Посл., 191. 1573 г.

2. ЗМ: конкретно-предметные значения, соотносящиеся с мотивирующим словом

2.1. ЗП (значение подтипа): слова с предметным значением, отражающие семантику мотивирующего слова.

Бритва <брити 'брить'

Древнерус. 'нож, бритва', в том числе перн.: [язык] *яко бритва изъострена*. Гб к. XIV, 43б; *Февда яко бритву изоощрену. сплете злодѣянье*. ЖВИ XIV–XV, 108а; //

острие: или разорити законъ во тѣ днь. или прославитися. и яко при бритвъ вещи стояху тогда (ξυρήσασα). ГБ к. XIV, 140в.

Хранитва <хранити ‘охранять, оберегать’

Древнерус. **Хранитва** ‘предохранительная навязь’: *яко не достоить сѣдникомъ... творити рекомья хранитвы, яже суть сѣоузы дѣньны(х) (φυλακτήρια)*. Уст.крм. Ю. Схол. Л. 39 (Срезн. III: 1400).

Чоувитва/о ‘орган чувств’ <*čuviti, *čuti’ (ЭССЯ 1974: 4, 137): *Аще бо начнемъ тепло заповѣдати Бжѣя съдѣвати, то вса наша к томуо чвитвы чжвѣствомъ просвѣтаци благодѣтъ наша насъ приготавливаетъ* (τὰ αἰσθητήρια) Панд. Антиоха, 257. XI в.

Жатва

3. ЗМ: предмет, результат действия, время действия, соотносенные с семантикой мотивирующего глагола

3.1. ЗП: результат действия

‘собранный хлеб’: *то же ль(т) бы(с) поводь велика в Галичи... и многы члѣвкы снимаху съ дровѣ. и кола. иже бѣ вода възметала. много же инии потопе. и бы(с) в ни(х) жатва дорога. рамано на ту зиму*. ЛИ ок. 1425, 187; ‘поле, готовое к жатве’: *иоанъ на жатвъ. слыша глѣцю брату ближнему своему съ гнѣвомъ и глѣцю въмъ или ты. и оставле жатву бѣжа*. ПНЧ к. XIV, 147б;

3.2. ЗП: время действия, время года

‘время жатвы’: *моравии в жатву пищу готовить. і доволно житницю си наложить*. МПр XIV₂, 32; ‘лето’: *и вселѣтная времена ·ѿ· по ·ѣ· -мъ же м(с)цемъ имоуще чтоуть(с), изгѣтьсѣ чисма ихъ весна, жатва, осень, зима*. (δέρος) ГА XIV₁, 65г.

Жьртва

3.3. ЗП:

‘обряд жертвоприношения’: *въ арменѣстѣи странъ вино едино. на стѣи трапезь приносить. воды к томуо не примѣшающе бескверьную жертвоу свершающе*. ПНЧ к. XIV. ба; *и надѣ источники свѣща вжагающе. и коумирьскую жертву адать*. СбСоф к. XIV, 13а.

3.4. ЗП: объект жертвоприношения

‘то, что приносится в жертву’: *Юлини же въ Римъ жертвоу начаша творити и всаки скоты заклати на жертву*. ГА XIV₁, 250в; *миноваше бо уже ветхыи законъ с требами козьихъ жертвъ*. КТур XII сп. XIV, 43.

Клатва

3.5. ЗП: действие или состояние, названное мотивирующим словом

‘проклятие, пожелание зла’: *кто же дрѣзнетъ створи... <се> властелинѣ. или князь. или пискупѣ... а боуди ѣмоу клатва си* Нап 1161; *а насъ грѣшныхъ не поклонѣте ба дѣла. зане же естъ зла сѣдничьская клатва. а добро естъ блг(с)ние*. Ев 1355, 176 (запись).

3.6. ЗП: результат действия, названного мотивирующим словом

‘клятва, присяга, обет’: *досажение и мѣтва. разнѣ себе еста. клатва и мѣтва межю собою много има(т)*. ПНЧ 1296, 99 об.; *онъ же не имѣя что дати. съ клатвою извѣствоваше. не вѣдати глѣмаго к нему*. СбТр к. XIV, 196; (1238): *нынѣ*

же **клатвоу** клену ти(с). яко николи же. вражды с тобою не имамъ имѣти. ЛИ ок. 1425, 264 об.

3.7. ЗП: предмет, предназначенный для выполнения действия

‘завещание’: (996) и помолвишюся ему. рекъ сице даю цркви сеи стѣи Бци $\omega(t)$ имѣнья моего и $\omega(t)$ градъ моихъ десѣтую часть. и положи написавъ **клатву** въ цркви сеи ре(к). аще кто сего посудитъ да буде(т) проклатъ. ЛЛ 1377, 43.

Ловитва

3.8. ЗП: результат действия, названного мотивирующим словом

‘добыча, улов’, также перен.: ловаше же рыбы и даяше же $\omega(t)$ **ловитвы** просѣщимъ. Пр XIV (6), 185а; принеси ми да ямъ **ловитву** твою чадо. Пал 1406, 75в; **Ловитва** е<о> бѣяше брашно (ή θήρα). (Быт. XXV, 28) Библ. Генн., 1499 г.

3.9. ЗП: предмет, предназначенный для выполнения действия

‘ловушка, сеть’, также перен.: лая бо льстивыи львъ въ ω градъ свои. и лачеть намъ стѣи и **ловитвы**. СбТр XII/XIII, 156; [Бог] убо ту красоту мою тому, иже о ней соблазнитъ, въ **ловитву** претворитъ. Юдифь, 166. 1674 г.

4.0. ЗП: игровые стихи, песенки, предназначенные для осуществления игрового действия

‘вид игры или состязания’: аще $\omega(t)$ нихъ кто играетъ. или пласания творить... и на видѣние члкъ събираетъ. или **ловитвамъ** прележитъ. таковыя $\omega(t)$ лочуачетъ. КР 1284, 154в; то же КВ к. XIV, 1186; позорища бо и оуристанья коньская и **ловитвамъ** попеченья. ЖВИ XIV/XV, 106а.

Молитва

4.1. ЗП: текст, сочинение, предназначенное для осуществления действия

‘текст молитвы’: и написавъ **млтвоу** на хартию. дать архидияконоу (εὐχήν). КЕ XII, 249а; то же КР 1284. 2736; таче есть **млтва** в молитвениць ПНЧ к. XIV, 436; (1289): списа же и слоужебни(к) стому Ге ω (р)гию, и **млтвы** ве(ч)рнии и оутрѣнии списа особъ молитвеника. ЛИ ок. 1425, 305.

Паства

4.2. ЗП: субстантив с «собирательным» значением, соотносящийся с мотивирующим глаголом

‘стадо’, также перен. ‘духовное стадо, паства’: и вълкы ω т **паствы** изгѣна (τῆς ποίμνης). КЕ XII, 263б; понеже оубо дѣ(т) долженъ есмь васъ пасты и оучити. порученую **паству**. СбУв XIV₂, 64 об.; не тѣломъ крепкы но дшею и разумомъ. могущихъ на пажить. обрати дша. словесныхъ овецъ **паству** хву. КР 1284, 351г.; На томъ мѣсть во время пречистаго рождества Христова пастырие бяху въ ночь и стражаху **паству** свою. Арс. Сух. Проскинитарий. 173. 1653 г.

4.3. ЗП: место, где происходит действие

‘пастбище, угодья, выгон для пастбы скота’: и водоносаго осла на **паству** изводя же и въводя. Пр 1383, 5б; телци же тучными ω т **паствъ**. и козлаты ω т ста(д) оумащатися. ГБ к. XIV, 102б; А тѣхъ сель пожни, и страдная земля, и **паства**, а то по селамъ. Гр. Новг. и Псков., 170. XVII в. ~ 1435 г.; А у нашия деревни... выпустили у насъ исъ **паствы** деветеро коней. АХУ II, 570. 1606 г.

4.4. ЗП: субстантив с «собирательным» значением, предназначенный для осуществления действия

‘наставление, воспитание, управление, попечение’: [Феодосий] *накы же призвѣвъ стефана ѣдиногю оучааше и. ѣже о **паствь** стѣаго стада.* ЖФП XII, 63б; (1289): *и за трж(д) **паствы** людїи его прїати ѿт него вѣнецъ славы.* ЛИ ок. 1425, 304 об.; *Бывшу ми... въ Троицкомъ Киржатцкомъ монастырь, иже подь **паствою** того же большого Сергиева монастыря.* Ч. Серг. Р. Аз., 85.

Ѣства (ества) < Ѣсти ‘есть, принимать пищу’

4.5. ЗП: результат действия мотивирующего глагола

‘еда, пища, угощение’: *А **ѣства** же ихъ плоха... а ядятъ брынецъ, да кичири с масломъ, да травы разные ядят.* Х. Афан. Никит., 19. XV–XVI вв. ~ 1472 г.; *А ели не за однимъ столемъ, потому что Федоръ и Неудача ѣли постную **ѣству**, а они ѣли мясную **ѣству**.* Англ. д., 39. 1582 г.; *О чиньхъ греческихъ въ кратць... Въ гостяхъ, гдѣ бывають патриархъ въ миру, и на столъ **ествы** стоятъ рыбная и мясная **въмѣсть** — блюдо подль блюда.* Арс. Сух. Прен., 357. 1650 г.

Морфонология

■ -тв(а), [тв]

После гласных (усечение инф. основ *глг* отсутствует): жа-тв-а; моли-тв-а.

Ударение. Тип I (на предеуф. слоге): моли́-ть-ся — моли́-тва.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх 1984: Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. Москва, 1984.

Амфилохий 1880: Словарь из Пандекта Антиоха XI в. Санкт-Петербург, 1880.

Бирнбаум 1986: Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы его реконструкции. Москва, 1986.

Варбот 1969: Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. Москва, 1969.

Варбот 2008: Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в синхронии и диахронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Москва, 2008, 84–95.

Вендина 1990: Вендина Т.И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования. Москва, 1990.

Виноградов 1994: Виноградов В.В. История слов. Москва, 1994.

Гельтергоф 1771: Гельтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон, купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российской этимологиєю. Москва, 1771.

Герд 2010: Герд А.С. К типологии исторических словарей // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8 / Отв. ред. О.А. Черепанова. Санкт-Петербург, 2010, 22–32.

Горелова 1974: Горелова И.В. (Андрианова). Отглагольные существительные с суффиксом *-тв(а)* в древнерусском языке // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. Москва, 1974, 233–240.

Даль 1956: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. Москва, 1956.

Зализняк Анна 2006: Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва, 2006.

Зверковская 1986: Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. Москва, 1986.

Иорданиди 1998: Иорданиди С.И. О некоторых аспектах изучения отглагольных *nomina actionis* в истории русского языка // Четвертые Поливановские чтения. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Смоленск, 19–20 мая 1998 г. Ч. I. Смоленск, 1998, 44–50.

Иорданиди 2002: Иорданиди С.И. Преобразование семантической структуры некоторых словообразовательных типов в истории языка (от исходной системы) // К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. Москва, 2002, 183–198.

Иорданиди 2013: Иорданиди С.И. К истории некоторых непродуктивных именных суффиксов в русском языке // Исследования по славянской диалектологии. Москва, 2013. 16, 277–291.

Иорданиди 2019: Иорданиди С.И. [Рецензия на:] Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2, 190–198.

Историческое словообразование 1984: Историческое словообразование русского языка. Казань, 1984.

Иткин 2019: Иткин И.Б. [Рецензия на:] Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2, 198–212.

Калайдович 1824: Калайдович И.Ф. Опыт правил для составления русского производного слова. Кн. 15. Ч. 5. Москва, 1824.

Коряковцева 1998: Коряковцева Е.И. Имена действия в русском литературном языке: история, словообразовательная семантика. Москва, 1998.

Кузнецова, Ефремова 1986: Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. Москва, 1986.

Кузнецова, Сиверина 1979: Кузнецова Т.А., Сиверина Е.Г. Лексические указатели процессуальности значения отглагольных существительных в современном русском языке // Научные труды Куйбышевск. гос. пед. института. Т. 227. Куйбышев (Самара), 1979.

Лихтен 1762: Лихтен И.Ф. Лексикон российской и французской, в котором находятся почти все российские слова по порядку российского алфавита. Ч. 1–2. Санкт-Петербург, 1762.

Марков 2001: Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001.

Мейе 1951: Мейе А. Общеславянский язык. Москва, 1951.

Мельчук 1997: Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва; Вена, 1997.

Николаев 2010: Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Москва, 2010.

Ольшанский, Скиба 1987: Ольшанский И.Г., Скиба В.П. Лексическая полисемия в системе языка и текста. Кишинев, 1987.

Плунгян 1998: Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современных грамматических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. Москва, 1998, 324–386.

Потебня 1968: Из записок по русской грамматике. Т. III. Москва, 1968.

Потиха 1987: Школьный словарь строения слов русского языка. Москва, 1987.

РГ 1980: Русская грамматика. Т. I. Москва, 1980.

Рейф 1835–1836: Рейф Ф.И. Русско-французский словарь, въ которомъ русскія слова расположены по происхожденію, или Этимологическій лексиконъ Русскаго языка в 2 томах. Санкт-Петербург, 1835–1836.

САР: Словарь Академии Российской. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1789–1794.

СДРЯ XI–XIV вв.: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XII–. Москва, 1988–2019–.

СЛРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. Москва, 1975–2019–.

Солнцев 1977: Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. Москва, 1977.

Соссюр 1977: Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. Москва, 1977.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2021.

ССАРЯ 2016: Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. Москва, 2016.

СС: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Москва, 1994.

Тихонов 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I–II. Москва, 1985.

Толстая 2019: Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. Москва, 2019.

Трубачев 1994а: Трубачев О.Н. Синхрония, диахрония — und kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследования по историческому словообразованию. Москва, 1994, 16–28.

Трубачев 1994б: Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991–1993. Москва, 1994, 3–23.

Трубачев 2004: Трубачева О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. I. Москва, 2004.

Улуханов 1993: Улуханов И.С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования славянских языков // XI. Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé. Bratislava, 1993, 448–449.

Улуханов 1994а: Улуханов И.С. Основы построения исторического словообразования русского языка // Русистика сегодня. № 1. Москва, 1994. С. 9–22.

Улуханов 1994б: Улуханов И.С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию. Москва, 1994, 3–16.

Улуханов 2012: Улуханов И.С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. Москва, 2012.

Хохлачева 1969: Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования в русском литературном языке нового времени. Москва, 1969.

Шимкевич 1842: Шимкевич Ф. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и двадцатью четырьмя иностранными языками. 1–2. Санкт-Петербург, 1842.

Ширшов 2004: Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. Москва, 2004.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. Вып. 1–42–. Москва, 1974–2021–.

Grzegorzczkova, Puzynina 1959: Grzegorzczkova R., Puzynina J. Z zagadnień słowotwórstwa synchronicznego // Poradnik Językowy. 1959. 6–7, 241–253.

Kiparsky 1975: Kiparsky V. Russische historische Grammatik: Die Entwicklung des Wortschatzes. III. Heidelberg, 1975.

Meillet 1905: Meillet A. Études sur l'étimologie et le vocabulaire du vieux slave. P. 2. Formation des noms. Paris, 1905.

Miklosich 1875: Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. II. Wien, 1875.

Pepłowski 1974: Pepłowski F. Odczasownikowe nazwy wykonawców czynności w polszczyźnie XVI wieku. Wrocław etc., 1974.

Puzynina 1975: Puzynina J. Jac pracować nad słowotwórstwem historycznym języka polskiego? // Poradnik Językowy. 1975, № 4, 173–179.

Sławski: Sławski F. Słownik prasłowiański. T. I—. Wrocław, 1974—.

SGSJO: Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego / Pod red. naukową H. Jadackej. T. 1–4. Kraków, 2001–2004.

SJP XVII–XVIII: Słownik języka polskiego XVII — 1. XVIII wieku. T. 1—. Krakow, 1999.

SJPD: Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. T. 1–11. Warszawa, 1958–1969.

SJPD Ind.: Indeks a tergo do Słownika języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. Warszawa, 1973.

SSp: Słownik staropolski. T. 1–11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1953–2002.

Vaillant 1974: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 4. La formation des noms. Paris, 1974.

Vondrák 1908: Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. II: Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1908.

Worth et al. 1970: Worth D., Kozak A., Johnson D. Russian Derivational Dictionary. New York, 1970.